
ПОЭТИКА

В.П. Миронова¹

*Институт языка, литературы и истории – обособленное
подразделение Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Федерального
исследовательского центра «Карельский научный центр
Российской академии наук»*

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНЫХ КОНТАМИНАЦИЙ КАРЕЛЬСКИХ СВАДЕБНЫХ РУН

Статья посвящена рассмотрению карельских свадебных рун с точки зрения их композиции и возможных сюжетных контаминаций. Автором в качестве примера проанализирован один из наиболее распространенных сюжетов песни, исполняемой на приезд сватов. Предпринятое исследование наглядно демонстрирует, как с течением времени изменяются карельские свадебные руны и какие факторы стали основанием этого процесса. Материалом для изучения послужили тексты, зафиксированные собирателями, начиная с 1930-х до 1960-х годов. Кроме того, привлечены наиболее ранние варианты, датируемые второй половиной XIX века.

Ключевые слова: карельская свадьба, карельские свадебные руны, сватовство, сюжетные контаминации.

V.P. MIRONOVA

*Institute of Language, Literature and History of the Karelian
Research Centre, Russian Academy of Science*

PLOT CONTAMINATIONS SPECIFIC TO KARELIAN WEDDING RUNE SONGS

The article deals with Karelian wedding rune songs, more specifically their compositional elements and possible plot contaminations. As an example, the author analyzes one of the most common plots of the song performed when marital matchmakers arrive. The study vividly demonstrates the transformation of Karelian wedding rune songs with time and the factors behind this process. The texts of

¹ Валентина Петровна Миронова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики с фонограммархивом, Институт языка, литературы и истории – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (г. Петрозаводск, Российская Федерация)

² Финансовое обеспечение исследований осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190094-6)*

songs, recorded by the collectors from the 1930s to the 1960s, served as the material for the study. In addition, the earliest variants, dating to the second half of the XIXth century, have also been used.

Keywords: Karelian wedding, Karelian wedding rune songs, marital matchmaking, plot contaminations.

В контексте свадебного ритуала в целом вербальный код является одним из важнейших элементов, посредством которого происходит прямая или опосредованная коммуникация между его участниками. В равной степени это относится и к карельской традиции, где наряду с различными обрядовыми действиями широко используется целый комплекс поэтических текстов: ёйги, сольные и групповые причитания, свадебные песни и свадебные руны. Учитывая разножанровость произведений, составляющих карельский свадебный фольклор, его можно отнести к причетно-песенному типу, характерному для севернорусской свадебной традиции [Ефименкова, 2008, с. 51]. Следует отметить, что если причитания были связаны с локусом невесты (плачи исполнялись только невесте и были сопряжены с ходом обрядового действия в доме просватанной), то свадебные песни, равно как и свадебные руны, были связаны как с локусом невесты, так и с локусом жениха, т.е. песни могли исполняться как невесте, так и жениху. Пространственно-временные границы функционирования этих произведений значительно шире – от сватовства, проводимого в доме невесты, до приводного стола в доме жениха.

Наряду с другими жанрами устного народного творчества карелов, карельские свадебные песни активно бытовали и исполнялись в рамках обряда вплоть до первой трети XX века. В Южной и Средней Карелии наиболее характерными являлись свадебные песни на карельском и русском языках лирического типа, в Северной Карелии широкое распространение получили свадебные руны, или свадебные песни рунического типа. Использование данных терминов (а именно, терминов руны и песни рунического типа) определяется близостью стихотворного размера собственно эпических песен и свадебных рун (для этих жанров была характерна калевальская метрика – восьмисложный стих с хореической стопой) [Kuusi, 1963, s. 153], а также идентичностью их стилистических и поэтических особенностей.

Финляндский ученый-фольклорист Уно Харва на основе рун, опубликованных в многотомнике «Древние руны финского народа» [SKVR, 1919], выделил имеющиеся варианты в десять основных групп, соотнося их с центральными элементами свадебного обряда: руны сватовства, руны-приглашения, баенные руны, руны зятя, руны, исполняемые при окружении невесты и руны-проводы,

руны на встречу жениха, руны, исполняемые в доме жениха, руны-поучения невесте, руны-утешение и руны-плата исполнителю [Holmberg-Narva, 1929]. Начиная со второй четверти XX века бытование свадебных рун в Беломорской Карелии значительно сократилось, что, вероятно, связано с постепенной трансформацией традиционного свадебного обряда в целом. В связи с этим поздние видоизмененные варианты, зафиксированные уже российскими собирателями, начиная с 1930-х годов, можно объединить в два больших цикла, один из которых исполняли в доме невесты, или руны локуса невесты, другой – в доме жениха, или руны локуса жениха. Настоящий процесс еще раз подтверждает выводы К.В. Чистова, который утверждал, что «вариативность есть способ и одновременно условие существования традиции. Без нее никакая традиция (т.е. относительная стабильность и длительность воспроизведения) не может существовать» [Чистов, 2005, с. 107].

В совокупности вариантов выявленные тексты различны по своему объему и составу. Способностью архаичных текстов к циклизации обуславливается существование объемных вариантов ранних карельских свадебных рун, насчитывающих до 200 стихотворных строк [Niemi, 1919]. В подобных случаях вокруг некоего единого ядра объединялись различные сюжетные звенья, мотивы. В большинстве случаев общим композиционным элементом для всех становилась завязка, первые строки которой определяли наименование цикла. С течением времени наряду с угасанием традиции наблюдалась трансформация единой сюжетной линии, вследствие чего тексты распались, образуя самостоятельные руны. Наряду с этим мог происходить и процесс объединения сюжетов, некогда относящихся к различным циклам. Таким образом, посредством механизмов редукции и амплификации появлялись новые варианты одного и того же текста.

В качестве примера рассмотрим цикл рун сватовства (общее название «Kokko lenti» – «Прилетел орел»), представленный большим количеством выявленных в Научном архиве КарНЦ РАН и Фонограммархиве Института ЯЛИ вариантов. Всего за период с 1937 по 2002 годы в деревнях Калевальского, Кестеньгского, Беломорского районов Северной Карелии зафиксировано 342 свадебные руны, из них 214 – это тексты, приуроченные сватовству. Небольшое количество текстов опубликовано в сборниках [Песни народов Карело-финской ССР, 1941, с. 25; Карельские народные песни, 1962, с. 85-87; Песни Карельского края, 1977, с. 38-39; Карельская народная песня, 1977, с. 105-110], большая часть до настоящего времени не введена в научный оборот. Общее повествование анализируемого произведения сводится к диалогу, в котором мать невесты или кто-то другой из ее родственников спрашивает, откуда прибывший свататься жених узнал

о молодой девушке, о невесте. В целом в имеющихся в нашем распоряжении вариантах можно выделить три основных компонента текста: завязка, основное повествование, или ядро, и развязка.

Завязка рун данного цикла – изображение прихода жениха в дом невесты, что прямо указывает на место и время исполнения этих произведений, а именно, на обряд сватовства. Появление жениха описывается с присущей для свадебной поэзии метафоричностью, где орел – это образ жениха, а его появление в доме невесты изображается как некое нападение:

Lendi kokko koilda ilmoin,
Koilda ilmoin, alda ilmoin,
Kaččelekši, kiändelekši:
Kaččo parvesta parašta,
Tukkapäistä turbiehinda,
Kaššapäistä kaunehinda,
Šormuškäzistä šominda.
Šen kokko kobristi,
Huamulindu huamuzi.

Летел орел с северо-востока,
Из той стороны просторной,
Покружил он, осмотрелся,
Выбрал лучшую из стаи,
С самыми пышными волосами,
Самую красивую с косою,
Привлекательную в перстнях.
Ту орел схватил когтями,
Птица леса ухватила.

[НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35,
ед. хр. 59]

В текстах встречается завязка двух видов: расширенная (до 12 строк в наиболее ранних записях) и усеченная (от 6 до 4 строк в поздних записях, относящихся к середине XX века). Объем завязки всецело зависит, на наш взгляд, от таланта исполнителя: в ранних записях широко используются параллельные строки, тогда как в поздних текстах этот прием зачастую опускается.

Основная часть руны сватовства, или ядро руны, представляет собой вопросно-ответную композицию, строящуюся на диалогах. Первый происходит между матерью (или другими родственниками невесты) и женихом. В начале основного повествования мать или кто-то другой из родственников невесты спрашивает у жениха, откуда он узнал о существовании незамужней девушки в этом доме:

Mistä tiesit teltamoini,
Kuulit, kultani omena,
Tämäm neijen syntyjäkse,
Syntyjäkse, kasvajakse.

Откуда узнал, пришелец,
Услышал, золотое яблочко,
Что родилась эта девица,
Родилась и выросла.

[НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 10,
ед. хр. 34]

Характерным элементом композиции анализируемого произведения становятся повторы. В рассматриваемых рунах идентичная вопросно-ответная конструкция может повторяться от одного до пяти раз. Вторая часть, содержащая некий метафорический ответ, варьируются: о невесте жених узнавал по подымающемуся из трубы дыму, по мычанию коровы, по бляению ягненка, по ржанию лошади, по лаю собаки и т.д.:

Noki nousi nuorasešta,
Savu pakšušta pakeni,
Kuulusan nejjon kojista.

[НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 10,
ед. хр. 194]

Сажа веревочкой поднималась,
Густой дым расстилался
Над знаменитым домом той
девушки

Второй диалог, входящий в так называемое ядро рассматриваемой руны, это уже вопросы жениха к родне невесты о ее готовности выйти замуж:

Onko valmis valvattini,
Valmis valvateltavani?
Ei ole valmis valvattise,
Eikä valvateltavase.
Vuotit viikon, vuota vielä.

[НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 2, ед.
хр. 77]

Готова ли желанная,
Готова ли долгожданная.
Не готова желанная,
Долгожданная не готова.
Ö!

Настоящий мотив в большинстве случаев содержит трехкратное (в вариантах, четырехкратное) повторение вопроса, в которых ответы указывают на долгую подготовку невесты к замужеству: одна нога обута, а вторая – нет, одна рука в рукавице, а другая – нет, один рукав надет, второй нет, одна коса заплетена, другая – нет. Таким образом, каждая строфа так или иначе соответствует определенному моменту обряда окружения невесты.

Следует отметить, что в ранних записях, опубликованных в сборнике «Древние руны финского народа», описанный сюжет не входил в состав анализируемой руны, а являлся самостоятельным текстом, имевшим собственное название «Mitä issut, isosen poika» - «Чего сидишь, отцовский сын?» и исполнявшимся при окружении. В частности, Уно Харва, ссылаясь на работу Афанасьева «Свадебные обычаи в Ухте» отмечал, что эту «руну пели все время, пока невесте убирали голову» [Цит. по: Holmberg-Narva, 1929, с. 129]. На это же в своей монографии указывает и Ю.Ю. Сурхаско, описывая обряд окружения в контексте карельской свадебной обрядности [Сурхаско, 1977, с. 149]. Среди ранних архивных записей, относящихся к 1930–1940 годам, также встречается девять вариантов текстов с таким

же названием (с такой же завязкой), что еще раз может свидетельствовать о самостоятельности бытования данного сюжета. Однако в свадебных рунах второй половины XX века в большинстве случаев анализируемый сюжет «Чего сидишь, отцовский сын?» все же контаминируется с руной «Прилетел орел». Кроме того, сюжет «Чего сидишь, отцовский сын?» входил в состав песен о сватовстве в Похьеле/Хийтоле. Следовательно, он являлся так называемым «общим местом» для целого ряда карельских свадебных рун, а также эпических песен, так или иначе связанных со сватовством.

В целом ядро рассматриваемой свадебной руны «Прилетел орел» не является устойчивым, выявлены варианты, в которых полностью отсутствует первый диалог или вопрос откуда жених узнал о невесте задается, но он так и остается без ответа. В количественном отношении на первый диалог приходится от одной до семнадцати строк, тогда как на второй, более стабильный диалог, приходится от тринадцати до пятидесяти строк. Таким образом, жених как один из основных персонажей данной свадебной руны меняет свою позицию (из адресата он переходит адресанта), однако при этом стабильным остается общий код повествования.

Завершает композицию развязка, в которой к поезжанам обращаются с требованием покинуть избу:

Некоторые варианты анализируемой свадебной руны могли исполняться информантами и без указанной развязки. В этом случае логическим завершением повествования становились последние строчки второго диалога: Jo on valmis valvačin/Valmis valvatettavaine – Уже готова ожидаемая/Готова, долгожданная, которые также сообщали окружающим о том, что девушка сосватана.

Как уже отмечалось выше, отдельные звенья рассматриваемой руны могли быть самостоятельными сюжетами. Помимо руны, исполняемой при окручении (в нашем случае это второй диалог «Чего сидишь, отцовский сын?»), к примеру, завязка могла бытовать обособленно от дальнейшего повествования. Впервые такой вариант свадебной песни был записан в Беломорской Карелии в 1836 году финляндским собирателем Каяном. В комментарии к тексту он указывает на то, что «руну поют сразу, как сваты приходят в дом, сразу, когда проходит сватовство» [Цит. по: Holmberg-Harva, 1929, с. 8]. Выявленный текст содержит 14 стихов, изобилует параллельными строками. Позже, уже в XX веке собирателями также были зафиксированы подобные варианты, к примеру, аналогичный текст был записан А. С. Тупицыной (Степановой) и Э. С. Киуру в 1963 году в д. Кургиево Беломорского района от К. С. Вдовициной. В данном случае информантка сообщает, что поет свадебную руну, а не ее отрывок, что еще раз свидетельствует о возможной самостоятельности завязки как отдельного сюжета.

Таким образом, рассматриваемая руна сватовства «Прилетел орел» с течением времени претерпела значительную трансформацию. Варианты наиболее ранних записей, относящихся ко второй половине XIX – началу XX веков, включали в себя завязку (прилет орла) и ядро, в которое вошел диалог, рассказывающий о том, каким образом жених узнал о невесте. В поздних записях, относящихся к середине XX века, традиционная композиция в большинстве случаев контаминируется с сюжетом «Чего сидишь, отцовский сын?», исполнение которого было приурочено к обручению невесты. Наряду с описанными текстами встречаются варианты, в которых завязка представлена зачастую в редуцированном виде, в некоторых случаях полностью отсутствует один из диалогов (а именно, первый диалог, традиционно относящийся к данному сюжету), в целом ряде вариантов нет общей развязки. Несмотря на возможное свертывание или развертывание вариантов, такого рода свадебные руны, имеющие сильные внетекстовые связи, сохраняли в себе определенный минимум.

Появление к середине XX века нового варианта данной свадебной руны, объединяющего два самостоятельных сюжета, на наш взгляд, определяется, в первую очередь, трансформацией карельского свадебного обряда в целом. В этой связи довольно любопытным является замечание Г.Х. Богданова, который отмечает, что свадебные обычаи в Северной Карелии были устойчивы вплоть до 1923 года, позднее «началась коренная ломка вплоть до уничтожения» [Богданов, 1930, с. 54]. Поскольку акциональный и вербальный коды свадьбы существовали в некоем единстве, утрата к середине XX века большинства элементов свадьбы способствовала значительному уменьшению количества сюжетов традиционных свадебных рун, с одной стороны. С другой стороны, тексты преобразовывались за счет различных контаминаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов, Г. Х. Свадьба Ухтинской Карелии / Г. Х. Богданов // Запднофинский сборник. – Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, гос. Акад. Тип., 1930. – 340 с.

Ефименкова, Б. Б. Восточнославянская свадьба и ее музыкальное наполнение: введение в проблематику / Б.Б. Ефименкова. – Москва: РАМ им. Гнесиных, 2008. – 64 с.

Карельская народная песня / изд. подгот. С.Н. Кондратьева. – Москва: Советский композитор, 1977. – 282 с.

Карельские народные песни / сост. и вступ. ст. Л.М. Кершнер. – Москва: Государ. музыкальное изд-во, 1962. – 129 с.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 2 – Фольклорные записи. 1956 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 10 – Фольклорные записи. 1963 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 14 – Фольклорные записи. 1939 г.

НА КарНЦ. Ф. 1, оп. 2, колл. 35 – Фольклорные записи. 1937 г.

Песни Карельского края / сост. и автор вступ. ст. Т.В. Краснопольская. – Петрозаводск: Карелия, 1977. – 262 с.

Песни народов Карело-финской ССР / сост. В.П. Гудков, Н.Н. Леви. – Петрозаводск: Государ. изд-во Карело-финской ССР, 1941. – 99 с.

Сурхаско, Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.) / Ю.Ю. Сурхаско. – Ленинград, 1977. – 237 с.

Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К.В. Чистов. – Москва: ОГИ. – 272 с.

Holmberg-Harva, U. Kauko-Karjalan häärinot / U. Holmberg-Harva-Holmberg. – Turku: Turun yliopisto, 1929. – 290 s.

Kuusi, M. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus / M. Kuusi. – Helsinki: SKS, 1963. – 655 s.

Suomen kansan vanhat runot. Osa I3: Vienan läänin runot. Toisinnot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki- y.m. runot / julkassut A.R. Niemi – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY, 1919. – 812 s.

REFERENCES:

Bogdanov, G. H. Svad'ba Uhtinskoj Karelii // Zapadnofinskij sbornik. – Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, gos. Akad. Tip., 1930. – 340 s.

Chistov, K. V. Fol'klor. Tekst. Tradiciya / K.V. Chistov. – Moskva: OGI. – 272 s.

Efimenkova, B. B. Vostochnoslavyanskaya svad'ba i ee muzykal'noe napolnenie: vvedenie v problematiku. – Moskva: RAM im. Gnesinyh, 2008. – 64 s.

Karel'skaya narodnaya pesnya / izd. podgot. S.N. Kondrat'eva. – Moskva: Sovetskij kompozitor, 1977. – 282 s.

Karel'skie narodnye pesni / sost. i vstup. st. L. M. Kershner. – Moskva: Gosudar. muzykal'noe izd-vo, 1962. – 129 s.

SA KarRC RAS. F. 1, op. 2, koll. 2.

SA KarRC RAS. F. 1, op. 2, koll. 10.

SA KarRC RAS. F. 1, op. 2, koll. 14.

SA KarRC RAS. F. 1, op. 2, koll. 35.

Pesni Karel'skogo kraja / sost. i avtor vstup. st. T.V. Krasnopol'skaya. – Petrozavodsk: Kareliya, 1977. – 262 s.

Pesni narodov Karelo-finskoj SSR / sost. V.P. Gudkov, N.N. Levi. – Petrozavodsk: Gosudar. izd-vo Karelo-finskoj SSR, 1941. – 99 s.

Surhasko, Yu. Yu. Karel'skaya svadebnaya obryadnost' (konec XIX – nachalo XX v.). – Leningrad, 1977. – 237 s.

Holmberg-Harva, U. Kauko-Karjalan häärinot / U. Holmberg-Harva-Holmberg. – Turku: Turun yliopisto, 1929. – 290 s.

Kuusi, V. Suomen kirjallisuus. 1. Kirjoittamaton kirjallisuus / V. Kuusi. – Helsinki: SKS, 1963. – 655 s.

Suomen kansan vanhat runot. Osa I3: Vienan läänin runot. Toisinnot. Lyyrilliset, opettavaiset, miete-, iva-, leikki- y.m. runot / julkassut A.R. Niemi – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapaino OY, 1919. – 812 s.